

Тэн Ипполит

Об уме и познании

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И76

И76 **Ипполит Т.**
Об уме и познании / Тэн Ипполит – М.: Книга по Требованию, 2022. – 562 с.

ISBN 978-5-519-78085-8

ISBN 978-5-519-78085-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Посвященіе	V
Предисловіе	IX

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Элементы познанія.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Знаки.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. О знакахъ вообще и о постановкѣ	СТР. 5
ГЛАВА ВТОРАЯ. Объ общихъ идеяхъ и о простой постановкѣ . . .	9
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Объ общихъ идеяхъ и о постановкѣ во многихъ степеняхъ	23

КНИГА ВТОРАЯ.

Образы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Природа и ограничители образа	34
ГЛАВА ВТОРАЯ. Законы возрожденія и исчезновенія образовъ . . .	69

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Ощущенія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Сложныя слуховыя ощущенія и ихъ элементы . . .	91
ГЛАВА ВТОРАЯ. Сложныя ощущенія зрѣнія, обонянія, вкуса и осяза- нія и ихъ элементы	107

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Физическія условія нравственныхъ событій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Отправленія нервныхъ центровъ	128
ГЛАВА ВТОРАЯ. Отношенія между отправленіями нервныхъ центровъ и нравственными событіями	188
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Человѣческая личность и фізіологическое недѣлимое.	201

VIII

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Различные виды познания.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Общій механизмъ познания.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Обь иллюзиі	стр. 217
ГЛАВА ВТОРАЯ. Обь исправленіи	236

КНИГА ВТОРАЯ.

Познаніе тѣлъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Выѣшнее воспріятіе и идея, изъ которыхъ составляется идея тѣла	258
ГЛАВА ВТОРАЯ. Выѣшнее воспріятіе и воспитаніе чувствъ	291

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Познаніе духа.

ГЛАВА ПЕРВАЯ	338
------------------------	-----

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

О познаніи общихъ вещей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Общіе признаки и общія понятія	369
§ 1. Общіе понятія, которыя суть коніи	371
§ 2. Общіе понятія, которыя суть образцы	385
ГЛАВА ВТОРАЯ. Пары общихъ признаковъ и общія предложенія	399
§ 1. Законы, касающіеся дѣйствительныхъ вещей	406
§ 2. Законы, касающіеся вещей возможныхъ	419
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Связь общихъ свойствъ или объяснительная причина вещей	455
§ 1. Природа объяснительнаго посредствующаго члена	457
§ 2. Методы для отысканія объяснительнаго посредствующаго члена	468
§ 3. Имѣетъ ли каждый фактъ или законъ свою объяснительную причину	486
<i>Приложеніе I.</i> О приобрьтеніи языка у дѣтей и въ человѣческомъ родѣ	505
§ 1. Приобрьтеніе языка дѣтьми	505
§ 2. Приобрьтеніе языка родомъ человѣческимъ	521
<i>Приложеніе II.</i> О прогрессивной галлюцинаціи безъ поврежденія разсудка	530
<i>Приложеніе III.</i> Обь ускореніи дѣйствія клѣточекъ мозговой корки	533
<i>Приложеніе IV.</i> Обь элементахъ и образованіи понятія я	536

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Если я не ошибаюсь, то подъ словомъ intelligence теперь разумѣютъ то, что нѣкогда разумѣли подъ словами entendement и intellect, т. е. способность познавать; по крайней мѣрѣ, я принялъ это слово въ такомъ смыслѣ.

Какъ бы то ни было, дѣло здѣсь идетъ о нашихъ познаніяхъ, а не о чемъ-либо другомъ. Слова способность, сила, игравшія столь большую роль въ психологін, составляютъ, какъ мы увидимъ, только удобныя названія, посредствомъ которыхъ мы ставимъ вмѣстѣ, въ особомъ отдѣлѣ, всѣ факты особаго рода; эти названія означаютъ признакъ общій тѣмъ фактамъ, которые помѣщены подъ однимъ ярлыкомъ; они не обозначаютъ таинственной и глубокой сущности, которая остается и скрывается подъ наплывомъ переходящихъ фактовъ. Вотъ почему, я говорилъ только о познаніяхъ, и, если занимался способностями, то лишь для того, чтобы показать, что сами въ себѣ и въ смыслѣ особыхъ сущностей онѣ не существуютъ.

Подобная предосторожность очень полезна. Въ силу ея психологія становится наукою фактовъ, ибо наши познанія суть факты; можно говорить съ точностію и подробностію объ ощущеніи, объ идеѣ, о воспоминаніи, о предвидѣніи, совершенно такъ, какъ о нѣкоторомъ дрожаніи, или физическомъ движеніи; въ томъ и другомъ случаѣ передъ нами является фактъ; его можно воспроизвести, наблюдать, описать; онъ имѣетъ свои прецеденты, свои сопровождающія обстоятельства, свои послѣдствія. Единичные факты, хорошо выбранные, важные, значительные, подробно опредѣленные и обильно обставленные — вотъ нынѣ матеріалъ всякой науки; каждый изъ нихъ есть поучительный образчикъ, выдающійся экземпляръ, лсный типъ, на который сводится цѣлая вереница аналогическихъ случаевъ;

существенная наша задача—опредѣлить, каковы эти элементы, какъ они рождаются, какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ они сочетаются и каковы постоянные результаты подобныхъ сочетаній.

Такова метода, которой я старался слѣдовать въ этомъ сочиненіи. Въ первой части очищены и отдѣлены элементы познанія; посредствомъ все новыхъ и новыхъ разложеній, мы доходимъ наконецъ до самыхъ простыхъ элементовъ, потомъ до фізіологическихъ пережѣвъ, составляющихъ условіе ихъ рожденія. Во второй части сперва описаны механизмъ и общее дѣйствіе ихъ совокупности, потомъ, съ помощію приложенія найденнаго закона, изслѣдуются элементы, образованіе, достовѣрность и объемъ главныхъ родовъ нашихъ познаній, начиная отъ познанія индивидуальныхъ вещей до познанія вещей общихъ, отъ самыхъ частныхъ воспріятій, предвидѣній и воспоминаній до самыхъ общихъ сужденій и аксіомъ.

При этомъ изслѣдованіи, созваніе, составляющее наше главное орудіе, недостаточно въ его обыкновенномъ состояніи; оно также недостаточно для изысканій психологін, какъ простой глазъ для изысканій оптики. Ибо его область не велика; его иллюзіи многочисленны и непобѣдимы; слѣдуетъ постоянно недоувѣрять ему, контролировать и исправлять его свидѣтельства, почти повсюду помогать ему, представлять ему предметы при болѣе яркомъ освѣщеніи, увеличивать ихъ, устроить для его употребленія родъ микроскопа или телескопа, извѣстнымъ образомъ обставлять предметъ, давать ему необходимую выпуклость посредствомъ противоположностей, или же находить возлѣ него указанія на его присутствіе, указанія, болѣе замѣтныя, чѣмъ онъ, и косвенно свидѣтельствующія о томъ, что онъ такое.

Вотъ въ чемъ главная трудность анализа.—Что касается до чистыхъ идей и до ихъ отношенія къ именамъ, то главную помощь составили здѣсь числительныя имена и, вообще, арифметическіе и алгебраическіе способы обозначенія; такимъ образомъ явилась возможность найти вновь одну великую истину, угаданную Кондильякомъ и съ тѣхъ поръ, въ теченіе столѣтій, остававшуюся забытой, погребенной и почти мертвой, за неизмѣнимъ достаточныхъ доказательствъ.—Что касается до образовъ, до ихъ сглаживанія, ихъ возрожденія, ихъ антагонистовъ—ограничителей, то необходимое увеличеніе нашлось въ странныхъ и крайнихъ случаяхъ, наблюдаемыхъ фізіологами и медиками, въ снахъ, въ сомнамбулизмѣ и гипнотизмѣ, въ иллюзіяхъ и болѣзненныхъ галлюцинаціяхъ.—Что касается до ощущеній, то поучительные образчики найдены въ ощущеніяхъ зрѣнія и особенно въ ощущеніяхъ слуха; благодаря этимъ документамъ и благодаря новѣйшимъ открытіямъ физиковъ и фізіологовъ, возможно было построить или начертать всю теорію элементарныхъ ощущеній, пойти далѣе обыкновен-

ныхъ границъ, до предѣловъ нравственнаго міра, указать отправленія главныхъ частей головного мозга, составить понятіе о связи молекулярныхъ первыхъ измѣненій и мысли. — Другіе аномальные случаи, заимствованные, какъ отъ аліенистовъ, такъ и отъ фізіологовъ, позволили объяснить общій процессъ иллюзіи и ея исправленія, послѣдовательныя стадіи котораго составляютъ разные роды нашихъ познаній. — За тѣмъ, чтобы понять познаніе, которое мы имѣемъ о тѣлахъ и о насъ самихъ, мы нашли драгоцѣнныя указанія въ глубокихъ и строгихъ анализахъ Бэна, Герберта Спенсера и Стюарта Милля, въ иллюзіяхъ ампутированныхъ, во всѣхъ иллюзіяхъ чувствъ, въ воспитаніи глаза у слѣпорожденныхъ, которымъ операціею возвращено зрѣніе, въ странныхъ искаженіяхъ, которымъ, во время сна, гипнотизма и безумія, подвергается идея я. — Послѣ этого можно было войти въ изслѣдованіе идей и общихъ предложеній, составляющихъ собственно такъ называемыя науки, воспользоваться тонкими и точными изслѣдованіями Стюарта Милля надъ наведеніемъ, установить, въ противность Канту и Стюарту Миллю, новую теорію необходимыхъ предложеній, изучить на рядѣ примѣровъ то, что называютъ объяснительнымъ основаніемъ закона, и придти къ общимъ взглядамъ на науку и природу, останавливаясь передъ метафизическою задачею, которая есть первая и послѣдняя изъ всѣхъ задачъ.

Въ этомъ длинномъ ряду изслѣдованій я весьма тщательно указывалъ теоріи, которыя я заимствовалъ у другихъ. Изъ нихъ важнѣе всего слѣдующія три: первая, весьма плодотворная, начертана и утверждена Кондильякомъ, но безъ достаточнаго развитія и доказательствъ; она полагаетъ, что всѣ наши общія понятія сводятся къ знакамъ; вторая, относительно научной индукціи, принадлежитъ Стюарту Миллю *); третья, относительно воспріятія пространства, принадлежитъ Бэну; я цѣликомъ ихъ цитировалъ. Насколько я могу судить, остальное, какъ по методу, такъ и по заключеніямъ, ново. Желательно, поэтому, чтобы читатель разсматрѣлъ и самъ повѣрилъ излагаемыя здѣсь теоріи естественныхъ иллюзіи сознанія, знаковъ и подстановки, образовъ и ихъ ограничителей, цѣлостныхъ и элементарныхъ ощущеній, зачаточныхъ формъ ощущенія, послѣдовательнаго ряда чувствительныхъ центровъ, мозговыхъ полушарій, разсматриваемыхъ въ качествѣ повторителей и умножителей, мозгового механизма для сохраненія, сочетанія и оживленія образовъ, ощущенія

*) Въмѣсто того, чтобы основывать наведеніе, подобно Стюарту Миллю, на гипотезѣ, просто вѣроятной и примѣнимой только къ нашей звѣздной группѣ, оно поставлено въ связь съ аксіомой (часть II, гл. 3, § 3), что измѣняетъ его характеръ и приводитъ къ другому міровоззрѣнію.

и молекулярнаго движенія мозговыхъ клѣточекъ, разсматриваемыхъ какъ одно явленіе подъ двумя видами, способностей, силъ и сущностей, разсматриваемыхъ какъ метафизическія иллюзіи *), общаго механизма сознанія, внѣшняго воспріятія, разсматриваемаго какъ правдивая галлюцинація, памяти, разсматриваемой какъ правдивая иллюзія, сознанія, разсматриваемаго какъ второй моментъ подавленной иллюзіи, способа, какимъ образуется понятіе я, построенія и употребленія предварительныхъ рамокъ, природы и дѣйствительности аксіомъ, признаковъ и положенія объяснительнаго промежуточнаго звена, дѣйствительности и значенія аксіомы объясняющей причины. — Въ подобныхъ вопросахъ теорія, въ особенности, когда она сильно удаляется отъ господствующихъ ученій, становится ясною только на примѣрахъ; я давалъ ихъ въ большемъ числѣ и со многими подробностями; пусть читатель возьметъ на себя трудъ ихъ взвѣсить одинъ за другимъ; можетъ быть тогда ему покажется яснымъ и даже доказаннымъ то, что на первый взглядъ онъ найдетъ темнымъ и парадоксальнымъ. Каждая наука заканчивается общими взглядами, если угодно, рискованными; но въ тоже время неправильно было бы отъ нихъ отказываться, ибо они увѣнчиваютъ все остальное, и поколѣнія за поколѣніями создавали науку именно для того, чтобы добраться до этой вышки. У психологін тоже есть своя вышка, которая тѣмъ болѣе высока, что она восходитъ до основанія нашихъ познаній и затѣмъ переходитъ за обычную точку зрѣнія, которая годна только для обыденной жизни и практики. — Исходя изъ этой точки зрѣнія, легко замѣтить, что въ понятіи я нѣтъ ничего дѣйствительнаго, кромѣ цѣпи явленій; что эти явленія, будучи различными по виду, одинаковы по своей природѣ и всѣ сводятся къ ощущенію; что само ощущеніе, разсматриваемое извнѣ и косвенно посредствомъ того, что называется внѣшнимъ воспріятіемъ, сводится къ группѣ молекулярныхъ движеній. Теченіе и сочетаніе ощущеній и импульсовъ **), которыя, будучи разсматриваемы съ другой стороны, оказываются въ тоже время

*) Эта теорія была уже высказана въ *Revue de l'instruction publique* (ноябрь 1855, июль, августъ и сентябрь 1856), затѣмъ обнародована въ *les Philosophes classiques au XIX-e siècle en France* (1856), главы 3, 9 и 13, потомъ снова развита въ предисловіи ко второму изданію того же сочиненія (1860), наконецъ изложена и окончательно обработана въ статьѣ о Стюартѣ Миллѣ (*Revue des Deux-Mondes*, мартъ 1861), которая предшествовала согласнымъ съ нею мнѣніямъ Стюарта Милля о томъ же предметѣ.

**) Здѣсь прибавленъ *импульсъ* потому, что онъ есть элементарное явленіе, изъ котораго слагаются чувствованія и воля, такъ же, какъ ощущеніе есть элементарное явленіе, изъ котораго слагаются идеи и познаніе. Мы принимаемъ слово *импульсъ* въ смыслѣ психологическомъ, а не механическомъ.

потокомъ и сочетаніемъ нервныхъ дрожацій,—вотъ умъ. Этотъ чудовищно обильный и сложный фейерверкъ сверкаетъ и обновляется непрерывно мириадами ракетъ; но мы замѣчаемъ только его верхушку. Ниже выдающихся идей, образовъ, ощущеній и импульсовъ, которые мы сознаемъ, и рядомъ съ ними, въ насъ живутъ и группируются мириады и миллионы другихъ, которые никогда не достигаютъ до нашихъ взглядовъ, такъ что большая часть насъ самихъ остается внѣ нашего вѣдѣнія, и я видимое несравненно меньше, чѣмъ я темное. Темное или видимое, это я само по себѣ есть только вершина цѣли, высшій центръ, ниже котораго въ сегментахъ мозга и нервныхъ гангліяхъ идетъ цѣлый рядъ другихъ подчиненныхъ центровъ, которые являются аналогичными, но зачаточными мѣстами дѣйствія для ощущеній и импульсовъ, такъ что весь человѣкъ представляется, какъ іерархія центровъ ощущенія и импульса, каждый изъ которыхъ имѣетъ свой починъ, свои функціи и свою область, подъ управленіемъ болѣе совершеннаго центра, который получаетъ отъ нихъ мѣстные новости, посылаетъ имъ общія распоряженія и отличается отъ нихъ только болѣе сложнымъ устройствомъ, болѣе широкимъ полемъ дѣятельности и высшею степенью.

Если теперь, послѣ ума, мы обратимся къ разсмотрѣнію природы, то и тутъ мы съ первыхъ же шаговъ перейдемъ за точку зрѣнія обыкновеннаго наблюденія. Какъ духовная сущность есть призракъ, созданный сознаниемъ, такъ сущность вещественная есть призракъ, созданный чувствами. Такъ какъ тѣла суть только подвижные двигатели, то въ нихъ дѣйствительно только ихъ движеніе; къ этому сводятся всѣ физическія явленія. Но движеніе, разсматриваемое прямо само по себѣ, а не косвенно черезъ посредство внѣшняго воспріятія, сводится къ непрерывному ряду бесконечно упрощенныхъ и сокращенныхъ ощущеній. Такимъ образомъ, явленія физическія суть только зачаточная форма явленій духовныхъ, и мы приходимъ къ пониманію тѣла по образцу духа. И тѣло, и духъ суть токъ однородныхъ явленій, которыя сознаніе называетъ ощущеніями, а чувства называютъ движеніями, и которыя, по природѣ своей, всегда готовы появиться и исчезнуть. Рядомъ со снопомъ свѣта, который есть мы сами, существуетъ много другихъ подобныхъ же сноповъ, которые составляютъ вещественный міръ; всѣ они различны по виду, но одинаковы по своей природѣ; ряды такихъ сноповъ различной высоты наполняютъ вмѣстѣ съ нашими всю бесконечность пространства и времени. Бесконечное число ракетъ одного рода, хотя и различной сложности, которыя взлетаютъ на различныя высоты и опускаются непрерывно и вѣчно въ темноту пустоты,—вотъ тѣлесныя и духовныя существа; каждое изъ нихъ есть только рядъ явленій, въ которомъ постоянна только форма,

и природу можно представить себѣ, какъ большое сѣверное сіяніе. Всеобщее теченіе, неистощимый рядъ метеоровъ, которые зажигаются только для того, чтобы угаснуть и снова зажечься, и опять угаснуть, безъ отдыха и безъ конца,—такимъ представляется мірозданіе; по крайней мѣрѣ, оно представляется такимъ въ первый моментъ созерцанія, когда оно отражается въ маленькомъ живомъ метеорѣ, который есть мы сами, и когда для пониманія міра у насъ есть только разнообразныя воспріятія, безконечно примыкающія другъ къ другу.—Но у насъ есть другое средство для познанія міра и, съ этой второй точки зрѣнія, которая пополняетъ первую, міръ принимаетъ совсѣмъ другой видъ. При помощи отвлеченія и языка, мы выдѣляемъ постоянныя формы, неизмѣнные законы, т. е. *пары общихъ свойствъ*, связанныя между собой не случайно, но по самой своей природѣ, которыя, вслѣдствіе этой постоянной связи, резюмируютъ неопредѣленное множество случаевъ. Тѣмъ же способомъ, сверхъ этихъ первыхъ паръ, мы выдѣляемъ другія болѣе простыя, которыя, подобно формулѣ кривой, соединяютъ въ одномъ общемъ законѣ неопредѣленное множество законовъ частныхъ. Также поступаемъ мы и съ этими общими законами, пока наконецъ природа, рассматриваемая въ глубинѣ своей сущности, не явится нашимъ размышленіемъ какъ чистый абстрактный законъ, который, развиваясь въ подчиненные законы, доходитъ во всѣхъ точкахъ пространства и времени до непрерывнаго зарожденія особей и неистощимаго теченія явленій. Весьма вѣроятно, что новый законъ механики о сохраненіи силы есть производная, мало уже отстоящая отъ этого высшаго закона; ибо онъ устанавливаетъ, что всякое дѣйствіе порождаетъ свой эквивалентъ, т. е. другое дѣйствіе, способное воспроизвести первое безъ прибавки или потери, что паденіе нѣкоторой тяжести порождаетъ свой эквивалентъ, т. е. количество теплоты необходимое и достаточное для того, чтобы поднять эту тяжесть до той высоты, съ которой она упала, что количество теплоты, употребленное на поднятіе нѣкоторой тяжести, порождаетъ свой эквивалентъ, т. е. подъемъ этой тяжести до той высоты, которой ей необходимо и достаточно достигъ для того, что бы ея паденіе возстановило истраченное количество теплоты. Такимъ образомъ, всякій разъ, какъ сила исчезаетъ, она замѣняется равною ей силой. Еще точнѣе, если рассматривать силу вообще въ двухъ ея состояніяхъ, въ одномъ, когда она находится въ дѣйствіи и тратится, напримѣръ, когда она заставляетъ подниматься тяжелую массу, и въ другомъ, когда она остается въ нашемъ распоряженіи и не тратится, напримѣръ, когда тяжелая масса остается неподвижною въ высшей точкѣ пути, то оказывается, что всѣ уменьшенія и всѣ увеличенія, приобретаемыя энергіей въ одной изъ этихъ двухъ формъ, вполне уравниваются увеличеніями или уменьшеніями,

которыя въ тоже самое время претерпѣваетъ она въ другой формѣ, такъ что сумма силы, готовой къ дѣйствию и уже находящейся въ дѣйстви, другими словами энергія, какъ ее теперь называютъ, есть въ природѣ величина постоянная. Тутъ касаешься чего-то вѣчнаго; достигнута неизмѣнная сущность вещей; дошли до вѣчной субстанціи. Мы касаемся ее только пальцемъ; но позволительно надѣяться, что когда-нибудь мы будемъ въ состояніи протянуть и всю руку, и, кажется, мы могли бы ее протянуть уже и теперь. — Дѣйствительно, открытый законъ предполагаетъ два условія. — Прежде всего необходимо, чтобы въ послѣднихъ подвижныхъ элементахъ была иная сила, чѣмъ произведеніе массы на скорость, которое есть дѣйствующая сила; ибо, въ противномъ случаѣ, эта сила болѣе или менѣе тратилась бы при ударахъ, такимъ образомъ, что большее или меньшее ея уменьшеніе не возмѣщалось бы равнымъ приращеніемъ силы, готовой къ дѣйствию. Слѣдовательно, въ послѣднихъ подвижныхъ элементахъ есть одна или нѣсколько силъ, способныхъ становиться готовыми къ дѣйствию, притяженіе, отталкиваніе, которыя возрастаютъ по мѣрѣ того, какъ ихъ противоудѣйствіе заставляетъ уменьшаться дѣйствующую силу, и которыя представляютъ ее всю подъ видомъ расписки въ полученіи, послѣ того какъ она исчезла подъ видомъ расхода. — Потому, если бы вся дѣйствующая сила могла бы въ концѣ концовъ обратиться въ силу, готовую къ дѣйствию, если бы природа или размѣщеніе послѣднихъ подвижныхъ элементовъ были таковы, что переходъ однихъ дѣйствій въ эквивалентныя, но отличныя отъ нихъ дѣйствія, долженъ бы былъ когда-нибудь всюду остановиться, это уже совершилось бы, но этого еще нѣтъ. Слѣдовательно, въ размѣщеніи или природѣ послѣднихъ подвижныхъ элементовъ есть какая то особенность или обстоятельство, которое мѣшаетъ установиться всеобщему и конечному равновѣсію. По Герберту Спенсеру, для этого достаточно нѣкотораго начального, существеннаго или случайнаго, сколь угодно малаго различія, введеннаго въ элементы или врожденнаго въ нихъ, хотя въ остальномъ они могутъ быть однородны насколько угодно. Во всякомъ случаѣ, каково бы ни было это обстоятельство или эта особенность, она необходима. — Вотъ, слѣдовательно, два условія, которымъ должны удовлетворять послѣдніе подвижные элементы. Если бы не было выполнено первое изъ нихъ, вышеуказанный законъ механики былъ бы не вѣренъ. Если бы не было выполнено второе, то теперь уже прекратилась бы смѣна явленій, которую устанавливаетъ этотъ законъ и которую мы находимъ въ дѣйствительности. Если такъ, то можно разсматривать эти два условія, какъ средства, а ихъ общій результатъ, какъ цѣль природы, выраженную высшимъ закономъ. Къ этому закону примкнули бы всѣ прочіе, частью въ качествѣ предваритель-

ныхъ условій, частью въ качествѣ дальпѣйшихъ его слѣдствій, а эта цѣль была бы постоянство энергіи, при постоянной смѣнѣ дѣйствій.

Въ этого рода размышленіяхъ всегда значительная часть приходится на долю предположеній; когда приступаешь къ нимъ, необходимо на каждомъ шагѣ указывать степень увѣренности или вѣроятности, подобно тому какъ присоединеніемъ показателя къ цифрѣ обозначаютъ ея разрядъ. Читатель найдетъ всѣхъ этихъ показателей на своихъ мѣстахъ. Наконецъ, чистое философское размышленіе занимаетъ здѣсь всего пять, шесть страницъ; оно есть созерцаніе путешественника, которое допускается на нѣсколько минутъ, когда попадаешь на высокое мѣсто. На самомъ дѣлѣ, науку составляютъ труды піонера.—Въ этомъ отношеніи, въ психологін остается еще очень много дѣла; какъ и всѣ другія опытные науки, она можетъ двигаться впередъ только при помощи подробныхъ и точныхъ изслѣдованій. Вотъ тѣ изъ нихъ, которыя, на мой взглядъ, были бы полезнѣе всего и которыя теперь привлекааютъ къ себѣ вниманіе работниковъ.

Надо было бы съ самыми мелкими подробностями отмѣчать у дѣтей образованіе языка, переходъ отъ крика къ раздѣльнымъ звукамъ, переходъ отъ раздѣльныхъ звуковъ, лишенныхъ смысла, къ такимъ же осмысленнымъ звукамъ, ошибки и особенности ихъ первыхъ словъ и первыхъ фразъ. Я привожу здѣсь два такихъ наблюденія, а ихъ надо пятьдесятъ.

Прибавьте къ этому новыя записи снова, дѣлаемые въ моментъ пробужденія, рассказы употребляющихъ опиумъ, болѣе подробные, чѣмъ написанные де-Кинсеємъ, гипнагогическія галлюцинаціи, наблюдаемые самимъ галлюцинирующимъ по способу Мори. Нѣкоторые матеріалы такого рода уже собраны, но далеко до того, чтобы заполнить этотъ пробѣлъ.

Всякій живописецъ, поэтъ, романистъ, обладающій исключительной ясностью мысли, долженъ бы былъ быть разспрашиваемъ и серьезно наблюдать другомъ психологомъ. Отъ него можно бы было узнать способъ, какими слагаются образы въ его умѣ, его манеру умственно видѣть воображаемые предметы, порядокъ, въ которомъ они ему представляются, произвольными ли толчками, или въ видѣ постояннаго процесса, и т. д. Если бы Эдгаръ Поэ, Диккенсъ, Бальзакъ, Генрихъ Гейне, Горасъ Верне, Викторъ Гюго, Дорэ были хорошо разспрошены и оставили подобные мемуары, то у насъ были бы весьма драгоцѣнныя свѣдѣнія. Мы обладаемъ большимъ числомъ наблюденій надъ душевно больными, но у насъ слишкомъ мало ихъ автобіографій, собственноручныхъ писемъ, степеографическихъ записей ихъ рѣчей и разговоровъ, подобныхъ обнародованнымъ Лерэ *).

А вѣдь только эти документы позволяютъ намъ живо схватить оттѣнки

*) Leuret, *Fragments philosophiques*, I томъ.